

Светский раут

Лев Прыгунов:
«За профессионализм отвечаю»

Лев Прыгунов...

Кажется, что хорошо его знаешь: в памяти его фильмы, роли, биография и даже подробности личной жизни.

Но вдруг возникает удивительное чувство, когда за глянцевого журнально-киношной внешностью тебе неожиданно открывается человеческая душа. Таким необычным, очень откровенным, хотя порой и резким в суждениях человеком предстал в разговоре со мной Лев Прыгунов. Любые вопросы о ролях, о своей второй профессии — профессии художника — он поднимает на общечеловеческий уровень.

Мы встретились со Львом Георгиевичем в его мастерской — двухкомнатной квартире в обычной многоэтажке на севере Москвы. Небольшое помещение было завешано картинами актера, стояли мольберты, лежали кисти, краски — словом, атмосфера весьма располагала к разговору о творчестве и месте

Художника в этом меняющемся мире. «Надо читать книги по истории, — начал беседу Прыгунов. — В них все написано, но никто не хочет их правильно понимать. Молодежь сейчас смотрит советские фильмы и думает, что именно так жила вся страна. Но это совсем не так. Вот недавно я пересмотрел фильм «Девять дней одного года» и ужаснулся. Это ложь, болтовня от начала и до конца. Самый страшный идеализм, когда он еще и лживый идеализм, ведь цензура, которая была в советское время, не снилась ни одной стране. К примеру, у нас в картине «Поиск» тракторист повернул трактор в сторону людей. Нам заявили: «Вы что, изображаете, как танки дают демонстрацию?» И вырезали эпизод».

Валерия ВАЛЬЦОВА

— Лев Георгиевич, вы стали известны благодаря ролям бесстрашных революционеров, чекистов, председателей исполкомов. А теперь, когда все эти образы поблекли, каких персонажей вам предлагают играть?

— Как ни странно, мне предлагают интересные роли. Просто я не считаю кино самым главным искусством, тем более телевизионные сериалы. Но за профессионализм отвечаю. В свое время, когда я отказался от роли очередного казгбиста, меня сняли с двух ролей. Затем меня не пустили на съемки ни во Францию, ни в Италию, ни в Америку, ни в Данию. Боялись, что я там останусь. А я, может быть, и остался бы. Я шучу так: казгбисты меня гноили, а сейчас они меня кормят. В современных картинах я играю одних казгбистов и чиновников, плохих и хороших. Сейчас я снимаюсь в Санкт-Петербурге в чудной роли академика Чазова в четырехсерийном фильме Сергея Снежкина «Леонид Брежнев». Это самый лучший режиссер, с которым я встречался после де Сантиса. Я еду к нему на съемки просто с физиологической радостью. Еще снимаюсь в Ярославле в сериале актера и режиссера Сергея Виноградова «Искушение Титаника» в роли начальника УБО-Па. Мой персонаж мне очень нравится: смешной, трогательный, хороший человек. Закончил съемки в телесериале «Игра на выбывание» у Вадима Панова. Повторяю, я люблю

любить работать и люблю работать в кино. Когда у меня не было особого выбора, я всегда предпочитал сниматься в плохих фильмах, нежели в фильмах, которые я называл идеологически вредными.

— Санкт-Петербург, Ярославль, Москва. Не устаете от постоянных переездов?

— Конечно, устаю, в молодости все не так было. В 1967 году я снимался сразу в трех фильмах: в Москве, в Донецке, летал в Красноярск через день. Причем в Красноярске у меня была главная роль, где без меня не было ни одного кадра. Практически три месяца я жил непонятно где — в поезде, в аэропорту, в самолетах. Тогда, я помню, было полное истощение нервной системы. Сейчас это еще тяжелее. К тому же график съемок намного плотнее, чем в советское время. Тогда была норма 25–26 метров отснятой пленки в день. А сейчас главную роль могут отснять всего за пять съемочных дней.

— Как же вы справляетесь с усталостью?

— С помощью какой-нибудь простой деятельности. Например, сплю чуть больше, чем обычно, или натягиваю холст, или листаю книжки, смотрю картины свои и чужие, читаю Монтеня, Библию и своего любимого и очень смешного писателя Пи. Джи. Вудхауса на языке оригинала.

— Знаю, что вы еще и китайской гимнастикой увлекаетесь.

— Китайская гимнастика очень помогает. Если бы не она, я не знаю, что бы со мною было. Она поддер-

живает меня в хорошем энергетическом состоянии. Вообще я всю жизнь занимаюсь китайской философией, изучаю историю Китая. Был период, когда я занимался ушу, писал иероглифы, учил язык, даже начинал говорить по-китайски. Потом почему-то — сам не знаю, почему — я забросил это. Может быть, потому, что китайский язык отнимал много времени у живописи. Ведь чтобы только поддерживать китайский, надо каждый день заниматься им по два-три часа. Хотя это безумно интересно. Я знаю точно, что писание иероглифов, занятие каллиграфией дает колоссальную энергию. Как выяснилось, работает другая половина мозга. К примеру, одно и то же стихотворение, написанное иероглифами в разном стиле, читается совсем иначе. Иероглифы несут в себе не только вербальный смысл, но и воспринимаются как картины.

— Может, поэтому вы и увлеклись живописью. Ведь в картинах можно выразить то, чего нельзя сказать словами.

— Я просто очень люблю живопись. Но это абсолютно безнадежная вещь. Уже так много гениальных художников, до которых никогда не дотянуться. Не в смысле подражания, это самое последнее дело. Но хотя бы проникнуться, дойти до их понимания живописи, невозможно. А уж открыть что-то новое и подавно.

— Кто же вам из великих мастеров ближе всего?

— Великих художников очень много: Веласкес, Эль Греко, Сурба-

ран, Крамх, Дюрер, французские живописцы, особенно конца XIX века. Самый мой любимый художник — Сезанн. Пикассо — абсолютный гений XX века. Но и в России были замечательные художники. Например, Венецианов и весь его круг: Сорока, Тьранов. Также Рокотов, Левицкий, Боровиковский. Александр Иванов — великий художник. Он в своих ранних работах и в эскизах к «Явлению Христа народу» дошел до того, что понял Сезанн лишь через 150 лет. Не люблю Перова и Стасова, считаю, что они испортили всю русскую живопись, переключая ее на политику. Но самое отталкивающее для меня — это пост- и постпостмодернизм, где в одну кучу могут свалить все: Христа, голых девиц, Ленина, Богородицу, монстров и всякую нечисть. А что касается русской живописи, то я считаю, что взлеты России всегда были связаны с ее соединением с европейским или с византийским деревом, когда она не пребывала в изоляции. Как только Русь соединилась с Византией, тут же Византия дала нам Рублева, Феофана Грека. Дальше был совершенно сумасшедший русский Ренессанс в XVI–XVII вв. В ту эпоху была самая высочайшая эстетика в русском искусстве. И все это перешло в XVIII век. Величайший век Екатерины II. Она хотела сделать Россию Европой, но быстро поняла, что это безнадежно. И все же в XVIII веке она создала лучшую в мире аристократию, вышедшую из бандитов, которых расплодил Петр I. Эта аналогия с нашими бандитами, которых расплодил Ельцин.

— Значит, нам теперь нужна еще одна Екатерина, чтобы из этих бандитов вырастить аристократов?

— Тот факт, что наш нынешний президент прожил девять лет в Германии, пусть даже ГДР, уже говорит о том, что у него совсем другие мозги, чем у Хрущева, Брежнева. Но параллель будет бессмысленна, если Путин не соберет вокруг себя когорту абсолютно честных, благородных и верных людей. Верных не только ему — президенты меняются — но и Конституции России.

— Обратимся к советскому времени. Вы тогда были безумно популярны, а Родина заботилась о своих творческих кадрах: отдельные мастерские, комнаты под библиотеки, дачи в Переделкино, дом отдыха в Болшево.

— Это абсолютный миф. Было 20 художников, 20 актеров, которые верой и правдой служили членам политбюро и получали за это дачи. И еще немного «стучали» в свободное от работы время.

— Кто вы по мировоззрению — европеец или азиат?

— Я христианин. У меня по матери все были священниками. Но единственное, что несколько не соотносится с моими представлениями, так это то место в Евангелии, что православные воспринимают слишком буквально: из могил выйдут все, и кости покроются плотью, и каждый будет свидетелем Страшного Суда. На самом деле никакой плоти не будет, лишь душа каждого человека будет свидетелем конца

света. Поэтому когда чиновники из Министерства атомной промышленности покупают депутатов, и те единогласно голосуют за захоронение ядерных отходов на нашей земле, то они забывают, что свидетелем ядерной катастрофы будут они сами, когда снова родятся. А восточный человек всегда помнит о реинкарнации.

— Однако тот же Запад преимущественно придерживается христианства, то есть реинкарнации нет места в их душе. Но это не мешает им везти свои ядерные отходы к нам, защищая своих будущих детей. Значит, дело все-таки не только в реинкарнации?

— Это уже другая история. Сейчас наступает очень интересное время, когда каждая страна расплачивается за свои старые грехи. Например, я много раз был в Англии, и Лондон на моих глазах превращается в бог знает что. Там правят страховые компании, адвокаты и банки. Десять лет назад самый дешевый адвокат в Лондоне стоил 300 фунтов в час! По закону Великобритании, каждый человек, который жил когда-то в британской колонии, имеет право обосноваться в Лондоне. Поэтому весь Лондон сейчас заполнен индийцами, пакистанцами, китайцами из Гонконга, арабами из английских колоний в

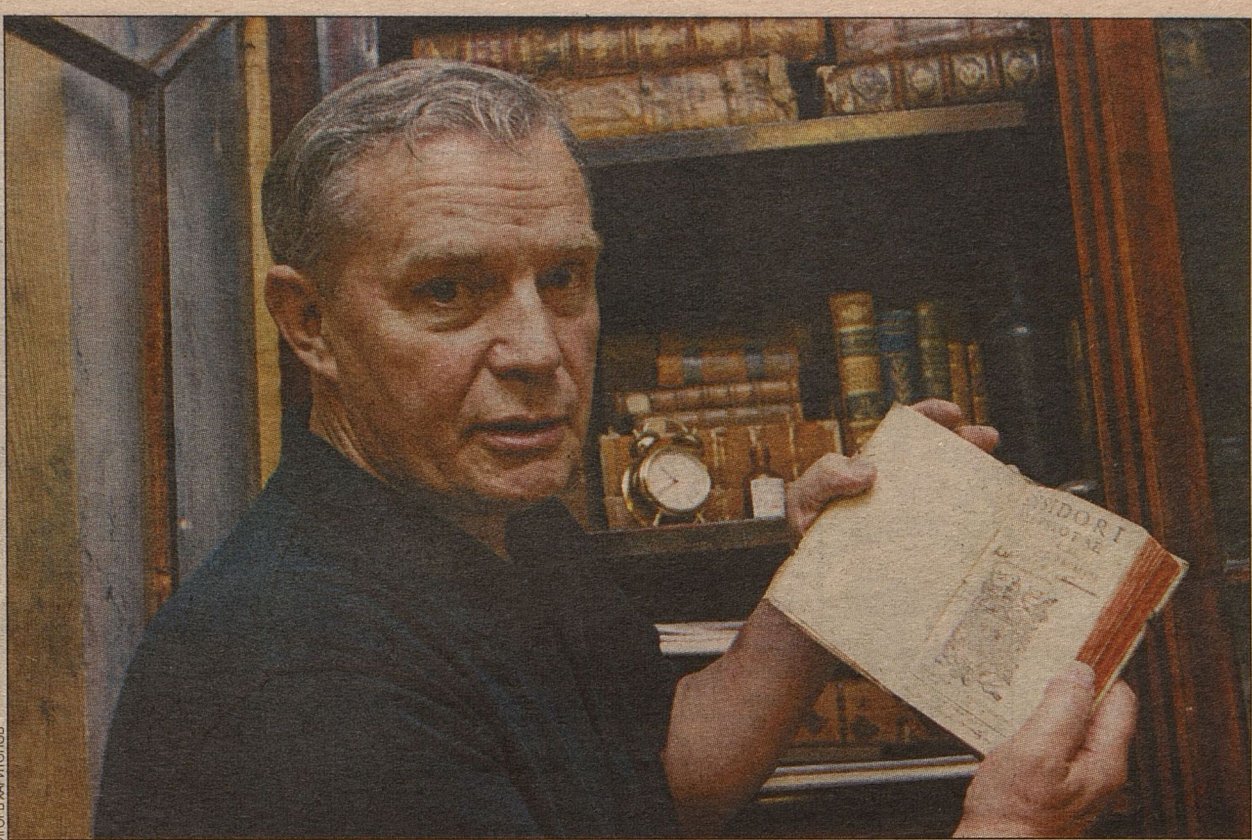
Африке. Но закон англичане изменить не могут, потому что на этом зарабатываются большие деньги. Они попали в собственный капкан. То же самое сейчас творится с Германией. Америка! Она сейчас превратилась в Советский Союз. Там процветает такой тоталитаризм, которого у нас уже не будет никогда.

— Думаете, не будет? Тогда почему все политические программы убрали из эфира?

— Ну и пусть. Это не имеет никакого значения. У современных кагэбистов никогда не будет идеологии. Им ее Господь не даст. Сейчас у них лишь одна цель — деньги и власть. Не лезь во власть, не хапай их деньги и все будет в порядке. Коммунисты сами попали в свой капкан. В душе они уже давно перестали быть коммунистами, а догматы сохранили. Когда мир развивался, мы в это время выпускали миллиоными телогрейками и лаптями. Я как-то снимался в ГДР. Наши актеры бежали там по магазинам, как сумасшедшие, и немецкие коллеги нам не верили, что у нас нет штопоров, туфель, платочков, записных книжек, авторучек.

— Какой же это год был?

— Да любой (смеется). Впервые я выехал за границу в 1966 году. Мой первой поездкой была Румыния, и то благодаря режиссеру, ко-

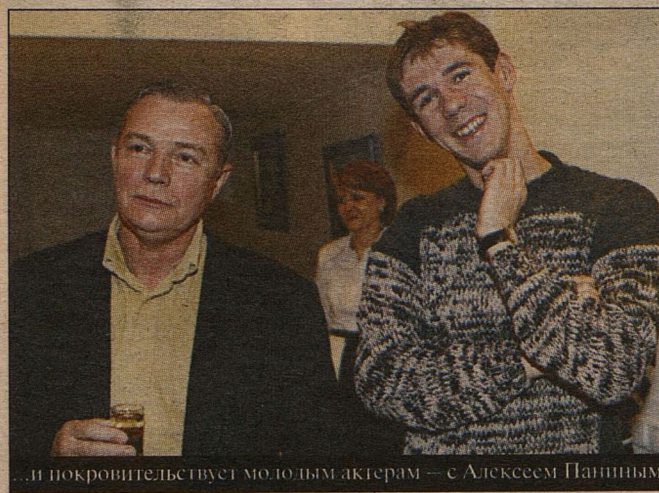
ИГОРЬ ЖИРИТОНОВ

Лев Георгиевич раздает автографы...

Лев Георгиевич ПРЫГУНОВ родился 23 апреля 1939 года в Алма-Ате. В 1962 году окончил Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии и был принят в труппу Центрального детского театра в Москве, затем работал в Драматическом театре им. Станиславского и Театре-студии киноактера. В кино актер дебютировал в 1962 году, исполнив роль Николая Валешникова в фильме «Увольнение на берег». Известность пришла к нему после главной роли в телефильме Марка Орлова «Сердце Бонивура» (1969). Лев Прыгунов работал вместе с такими режиссерами, как Марлен Хуциев, Сергей Микаэлян, Александр Файнциммер, Юрий Озеров, играл актер также у Джузеппе Де Сантиса в картине «Они шли на восток» (1964), снимался в нескольких голливудских фильмах, в том числе в боевике Филипа Нойса «Святой» (1997) и в драме Кэтрин Бигелоу «К-19: Оставляющая вдов» (2002). Заслуженный артист РСФСР.

РОМАН ШЕРЕНКОВ

...и покровительствует молодым актерам — с Алексеем Паниным

РОМАН ШЕРЕНКОВ

ИТАР-ТАСС

торый поставил условия, что он не будет снимать картину без меня. Тогда Чаушеску только пришел к власти, и наши очень хотели с ним дружить. А я был категорически невыезжающим. Почему? Да потому что у меня друзья были вот такие (показывает на фотографию Иосифа Бродского). И я всегда открыто выражал свою позицию, даже со сцены один раз ляпнул в начале 80-х. Меня спросили, как я отношусь к ЦК комсомола, а я ответил: «Эйзенштейн сказал про одного режиссера, что он вулкан, извергающий вату. Это и есть мое мнение о ЦК комсомола».

— Однако ваши персонажи — благородные чекисты — наверняка не одному мальчишке проложили дорогу в это ведомство. Взять хотя бы храброго Французика из «Трактира на Пятницкой».

— А что Француз? Абсолютно надуманный герой. Кино вообще не имеет к жизни никакого отношения.

— Неужели в вашей фильмографии нет картин, правдиво описывающих жизнь современников?

— Есть такой фильм под названием «Картина». Она одна из лучших, где мне довелось играть. Но картину постигла странная судьба. Ее показали всего один раз в 1985 году. Я получил после показа очень много писем, столько, сколько давно не получал. Она взволновала всех. Но с тех пор о ней все забыли. Когда у меня был юбилей, я нашел человека, который был дружен со Швыдким, тогдашним министром культуры, и попросил показать «Картину». Не показали. Был юбилей у режиссера этого фильма. Он писал письма с требованием показать «Картину». А недавно мне один из сенаторов сказал: «Я знаю фильм «Картина». Его никогда не покажут, потому что он поднимает вопросы самосознания русского человека». Я горжусь этой ролью, ролью председателя горисполкома: если внимательно смотреть, в первом кадре у меня абсолютно стеклянные глаза, но их выражение постепенно меняется в течение всей картины.

— Как вы считаете, не тупиковый ли это путь для нашего ки-

но, что оно стремится подражать западному?

— За наше кино можно совершенно не волноваться. Оно было, есть и будет всегда. И оно навсегда останется наполовину советским. Это не уйдет и со сменой поколения. Кагэбисты сейчас прекрасно понимают, что только таким способом можно организовать эту колоссальную территорию. Сейчас Россию может спасти лишь то, если появятся богатые крестьяне и богатые рабочие. Не богатые интеллигенты, хотя это тоже хорошо. Я был свидетелем такой истории. Это было под Угличем, где я рисовал пейзажи. Председатель местного колхоза бежал по деревне, в которой остались всего четыре или пять старушек, и кричал: «Когда же вы отдохнете? Вы мне все портите!». Он хотел, чтобы эта деревня вконец опустела, чтобы снять со своего баласа. Ведь от него требовали проложить до нее пять километров дороги. Чтобы достичь своей цели, председатель убрал из обреченной деревни продовольственный лагерь. И тракторист, на свой страх и риск, привозил бабушкам хлеб. Сейчас Россия — это пустота, пьянство и предательство. Ведь что такое продажный милиционер или продажный чиновник? Это предатель Родины. Просто понятие Родины и чести стали у нас забываться.

— Вас искренне волнуют такие серьезные философские вопросы, что, кажется, что суетная слава не для вас. А вам приятна ваша популярность?

— Мне что есть она, что нет. Я лучше всего чувствовал себя в ГДР, где меня никто не знал. Я снимался там в трех фильмах в главных ролях. Жил по два-три-четыре месяца. Поскольку я свободно говорил по-немецки, ездил по стране, ходил по музеям. Это было самое счастливое время.

— Если вам чужда слава, то почему вы не отказываетесь от ролей, ведь у вас мало времени остается на семью, живопись?

— А что семья? Сыну моему уже 35 лет (сын Льва Георгиевича — Роман Прыгунов, известный клипмейкер. — Авт.). Он абсолютно самостоятельный человек и хороший мой друг. Жаль, что мы редко видимся. А на съемки я всегда езжу с женой. Это замечательно. Но почему я в 65 лет должен отказываться от ролей? Снимают, так и дай Бог, чтобы снимали и дальше. Даже в те перерывы, которые у меня были в советском кино, я снимался в американских фильмах, правда, в небольших ролях.

— А живопись вас когда-нибудь «кормила»?

— И кормила, и кормит сейчас. Я на живопись прожил полгода во Франции, полгода в Америке, полтора года в Англии. Там мне никто не давал денег. В каждой стране у меня продано примерно по 40 картин.

— Вы помните, как продали первую картину?

— Поскольку я не заканчивал ни художественного училища, ни академии, а лишь брал в детстве уроки у очень хорошей художницы, то и особого пиетета к своему творчеству у меня не было. Ко мне однажды пришел человек, хотел купить картину. Мне было это так странно, что я ему просто ее подарил, хотя по тем временам мог бы заработать 600 рублей. В 1988 году у меня была выставка в Кинотеатре повторного фильма. Мой приятель приехал из Америки, увидел эту выставку, предложил увезти ее в Штаты и там продать. Так и получилось. Поэтому мои первые покупатели из Америки.

— Скажите, верно ли утверждение, что богатство вредит творчеству? Меняются ли колорит и настроение в ваших картинах в зависимости от вашего же финансового состояния?

— Финансовое состояние не может повредить качеству живописи, если художник честен перед самим собой. Мне кажется, что любой труд рано или поздно себя оправдывает. Я учил язык вовсе не для того, чтобы сниматься в американских фильмах. Я начал его учить в 1964 году, а в 1966 уже свободно говорил. Я прочитал множество книг на английском, когда их еще никто не читал. Я специально выучил язык, чтобы читать то, что не мог читать на русском. И теперь я снялся в 11 англоязычных фильмах и зарабатывал в общем-то приличные деньги именно благодаря тому, что выучил язык. И мое знание китайского языка, я уверен, тоже не пройдет даром. Когда-нибудь я обязательно попаду на съемки китайского фильма. И мне достаточно часа, чтобы разобрать иероглифы. А произношение у меня хорошее. Также и с живописью. Я никогда не писал специально для продажи. Я работаю каждый день: либо снимаюсь, либо пишу, либо занимаюсь языком. Поэтому и отношение к жизни у меня спокойное: я не оптимист и не пессимист, я нормальный человек. И к смерти отношение спокойное: знаю, что все рано или поздно умрут, и вся проблема в том, чтобы сделать это достойно.